

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

А. К. Конопацкий

ЛЕГЕНДА О ДРЕВЕ ЖИЗНИ АЛЕУТСКОГО НАРОДА И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ

(ИЗ ПОЛЕВЫХ НАБЛЮДЕНИЙ НА АЛЕУТСКИХ ОСТРОВАХ)

10 июля 1974 г. наш самолет произвел посадку в селе Никольском на острове Умнак (Алеутские острова). Нас встретил сильный ветер с Берингова моря. Надпись на английском языке, укрепленная на небольшом стенде, призывала: «Добро пожаловать в Никольский международный аэропорт!», хотя весь аэродром состоял лишь из взлетной полосы, посыпанной гравием, и одного разбитого старого самолета.

Этот визит был необычным. Впервые сюда прибыла группа советских археологов во главе с акад. А. П. Окладниковым. Мы были приглашены проф. Вильямом Лафлином, обнаружившим древнейшую культуру на Алеутских островах, для участия в совместных советско-американских исследованиях.

Встреча с русской когда-то Америкой и потомками тех, чью культуру нам предстояло изучать, была очень интересной.

Со времени открытия Алеутских островов и по сей день ученых разных стран и различных специальностей занимает проблема происхождения алеутов и их культуры. Нас же, советских ученых, в первую очередь интересовал вопрос, сохранились ли следы русского влияния на этой земле.

После встречи с приветливыми и добродушными алеутами — будущим поваром нашей экспедиции Аксиной Крюковой и самым старым и уважаемым жителем села Никольского Сергеем Ивановичем Суворовым, удивившим нас с первых минут знакомства хорошим знанием русского языка, мы решили осмотреть село.

Оно состоит из двух частей. Старая часть села расположена на левом берегу ручья, вытекающего из пресного озера Умнак и впадающего в Никольский залив. Здесь находится хорошо известная археологам стоянка Чалука — холм, в отложениях которого запечатлена четырехтысячелетняя история жизни алеутов. На этом холме и выстроили они свои дома.

Новая часть раскинулась на правом берегу ручья, вдоль Никольской бухты; она выросла после второй мировой войны рядом с православной церковью, история которой восходит к началу XIX в. Церковь — самое заметное строение в селе, насчитывающем около двух десятков домиков и около 90 жителей. Примечательно, что она построена по всем канонам русской православной архитектуры. Вокруг церкви — кладбище с крестами на могилах. Рядом, за церковной оградой (как бы на отшибе), виднеется какое-то загадочное сооружение высотой чуть более метра, с четырехскатной крышей, окрашенное синей краской. Оно похоже на домик, но без окон и без дверей.

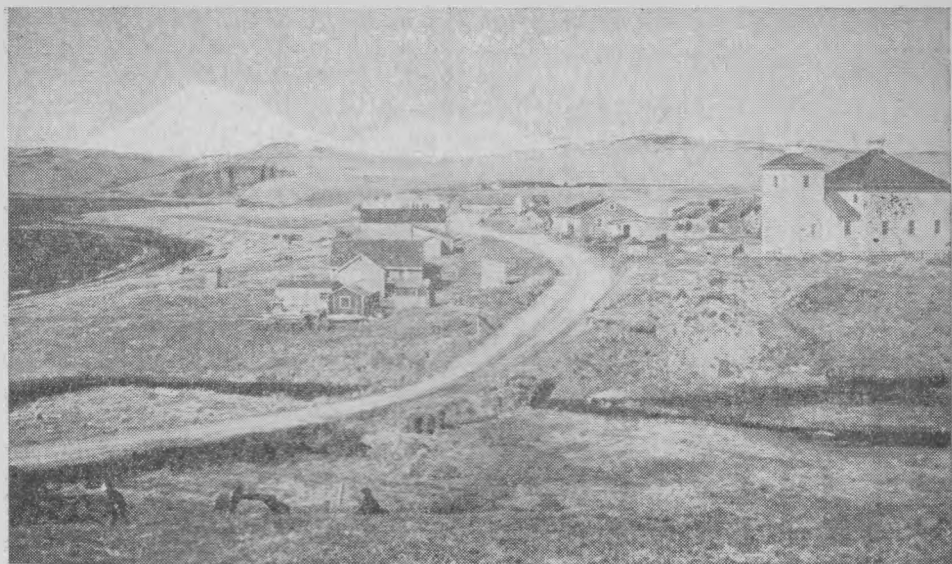

Рис. 1. Село Никольское (Алеутские острова). Слева от церкви — домик, под которым находятся остатки «древа жизни алеутского народа»

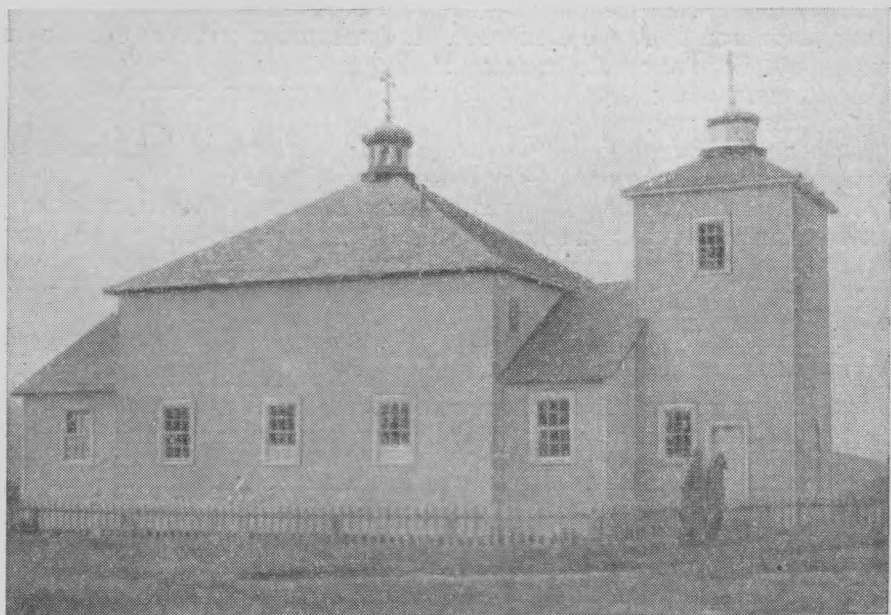

Рис. 2. Церковь св. Николая в с. Никольском

Вильям Лафлин объяснил, что, по рассказам старых алеутов, до прихода русских на этом месте росло дерево, очень высокое, корявое и якобы без ветвей, — единственное на всех Алеутских островах. Когда же здесь появились русские казаки (алеуты называют их «касаках»; другого слова, которым они обозначали русских открывателей Америки, мы не слышали) и начали строить себе жилье они, видимо, срубили дерево и распилили его на доски. После этого все казаки заболели и вскоре умерли. А самый сильный из них хотел напиться воды и утонул в ручье.

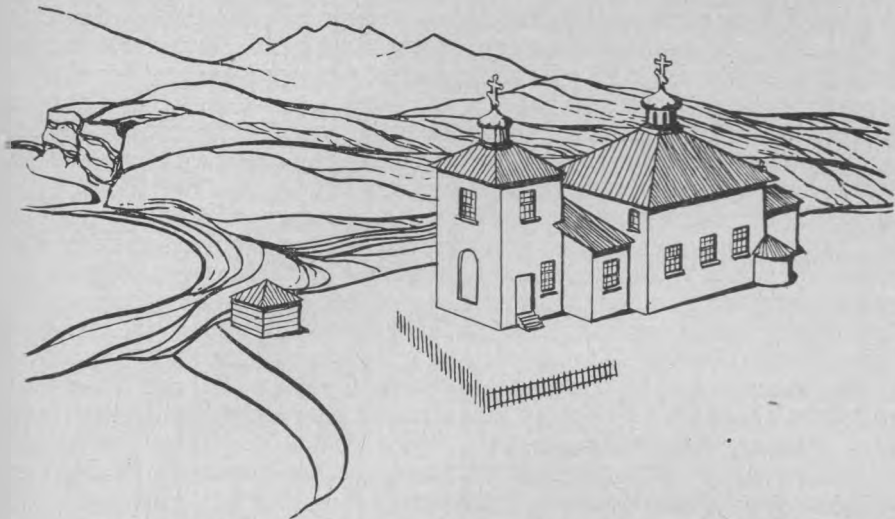

Рис. 3 Общий вид церкви и «домика»

По поверьям алеутов, тяжелые болезни поражали всех, кто пытался прикоснуться к остаткам этого дерева и даже бросить в него палку или камень. Позже там, где росло дерево, была построена будка, и никто уже не осмеливался заглядывать в нее; детям строго-настрого запрещалось бросать в нее гарпуны или какие-либо другие предметы.

Еще более интересен рассказ-легенда о «древе жизни» алеутского народа, записанный в 1948 г. Тедом Бенком со слов старика алеута Афиногена Кирилловича Ермилова, который мы приводим полностью.

«Давным-давно, в те времена, когда земля была еще покрыта льдом, на эти острова пришли наши предки и увидели, что, как и в нынешнее время, здесь не растут деревья — нигде, за исключением острова Умнак. У нас же росло одно-единственное дерево — без веток и листьев, с кривым-прекривым стволом. Дерево было такое высокое, что его макушка скрывалась в облаках. Глядели алеуты на это дерево и диву давались. Потом людям стали слышаться голоса. И говорили голоса, что дерево то — залог алеутской жизни, а потому алеутский народ должен вечно его оберегать. Допустят алеуты, чтобы дерево погибло, — и алеутский народ навсегда исчезнет с лица земли.

Люди обратили внимание, что ствол дерева состоял из множества побегов, похोдивших на морские водоросли, из которых обычно делали удочки. Вот отчего это место и было названо «Умнакс», что по-алеутски означает «удочка». Отсюда пошло название острова — «Умнак».

Когда на Умнак пришли русские, которые были здесь первыми белыми, они срубили дерево, чтобы выстроить себе жилище. Но вскоре все эти белые люди умерли. Тогда алеуты перепугались и огородили пень, чтобы уберечь остатки дерева. Так до сих пор и стоит на этом месте домик. Сейчас в нем хранится только несколько кусков старого дерева»¹.

Рассказ этот своей поэтичностью напоминает русские сказки.

Есть еще один, третий, самый ранний из известных нам вариантов предания, записанный И. Вениаминовым, этнографом и миссионером. Этот вариант позволяет проследить историю таинственного алеутского «древа жизни», причем относится предание именно к нынешнему селу Никольскому (ранее Речешное) на о. Умнаке. Речь идет о тех временах,

¹ П. Тед Бенк, Колыбель ветров, М., 1960, стр. 160.

когда на Алеутских островах впервые распространилось православие: «Глотов в первое свое пребывание на Умнаке (в 1759 г.) столь хорошо познакомился и даже подружился с тамошними жителями, что Тоэн их позволил окрестить своего малолетнего сына и даже вывести в Камчатку... Крестил ли Глотов и его товарищи кого, кроме Тоэнского сына? Неизвестно. Но известно только то, что они там поставили большой крест, где впоследствии времени выстроена была часовня во имя св. Николая, которая в 1826 г. сменена новою». В сноске сказано: «Крест этот, по времени, другими русскими был употреблен при постройке казармы для нар или кроватей (и, надобно сказать, без нужды) но, как говорят старики-самовидцы, лишь только строители перебрались на новоселье, как тотчас между ними открылась какая-то необыкновенная болезнь, от которой померло больше половины живших в этой казарме. тогда как алеутов, живших подле, она не коснулась. И это оттого, что они употребили крест для нар. И потому ныне тамошние алеуты не смеют взять щепки, лежащей близ часовни»².

Место действия рассказов, записанных Тедом Бенком и И. Вениаминовым, удивительным образом совпадает.

Именно здесь, где прежде была часовня, стоит сейчас церковь. А там, где когда-то находился крест, построена будка, скрывающая остатки «дерева жизни» алеутского народа.

Совпадают и детали действий русских, срубивших в одном случае крест, в другом — дерево, а также последствия этих действий — смерть всех (или части, в передаче И. Вениаминова) русских от неизвестной болезни, которая не затронула алеутов

Сушествено, что И. Вениаминов зафиксировал этот рассказ только у жителей с. Речешного (Никольского). У других алеутов он не нашел даже намека на подобное предание.

Распространение православной веры среди алеутов началось, по данным И. Вениаминова, более чем за полстолетия до его появления на островах. Не исключено, что, воздвигая первый на о. Умнаке большой крест, русские предупреждали алеутов о том, что им грозят неисчислимые беды, если крест будет уничтожен. Очевидно, русские надеялись таким образом вытеснить древние верования алеутов и утвердить православие.

Вера алеутов в «необычность» креста упрочилась благодаря позднейшим событиям, когда русские, срубившие крест для своих нужд, умерли. Возможно, причиной смерти была какая-то болезнь или же отравление. Связывая подобные последствия с совершенными действиями, алеуты боялись касаться даже щепок, оставшихся от креста.

Конечно, эти события произошли задолго до того, как среди алеутов утвердилось православие (официальной датой его установления считается 1794 г.). Об этом свидетельствует памятная надпись под иконой Пантелеймона Целителя в церкви Святого Вознесения в Уналашке: «Икона сия установлена в память 100-летия православия на Алеутских островах (1794—1894 г.) и создания общества трезвости в 1895 г.» (надпись выполнена на русском языке на металлической плакетке).

В рассказе о кресте, как мы видим, тесно переплелись элементы православного культа с первоначальными языческими воззрениями алеутов. Об этом сообщал и И. Вениаминов, описывая современных ему алеутов: «Обычай нынешних алеутов есть смесь их прежних обычаев с обычаями русских, или, по крайней мере, они придерживались тех и других...»³.

В позднейшей передаче рассказ о кресте, срубленном на Умнаке, дополнился новыми деталями, которые были записаны Тедом Бенком со слов хранителя преданий своего народа — А. К. Ермилова.

² И. Вениаминов, Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. II, СПб 1840, стр. 151, 152.

³ Там же, стр. 66.

Интересна, в частности, такая деталь: «дерево» в рассказе вершиной «уходило за облака». Это напоминает широко распространенный в шаманских рассказах Северной Азии мотив мирового дерева. Может быть, он сохранился у алеутов с тех времен, когда их далекие предки обитали на материке, в областях, покрытых лесом, которого вообще нет на Алеутских островах. Нам посчастливилось увидеть на Уналашке рощу деревьев, посаженных, по преданию, в начале XIX в. И. Вениаминовым⁴. Больше лесов на островах нет.

Дерево без ветвей из алеутской легенды можно рассматривать как параллель кресту (на кресте, естественно, нет веток).

К сожалению, нам уже не удалось застать в живых А. К. Ермилова и услышать легенду от него самого. Может быть, он сообщил бы и другие, не менее важные и интересные подробности древнего предания. Но и упомянутые им факты имеют определенный интерес для понимания того, как складывалось своеобразное мировоззрение алеутов во время их первых контактов с русскими. Итак, сопоставление различных источников позволило разгадать тайну романтической легенды о «дереве жизни» алеутского народа. Это фетиш, чисто «языческий» источник магической силы, связанный, как это ни удивительно, в своем зародыше с православным крестом.

⁴ Впрочем, по данным самого И. Вениаминова, деревья были посажены около 1805 г., т. е. почти за 20 лет до его появления в Уналашке (И. Вениаминов, Указ. раб., ч. 1, СПб, 1840, стр. 54, 55).